

А. О. ГРИНЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ (1914 — 1924 гг.)

Херсонесский музей в г. Севастополе (ныне Национальный заповедник «Херсонес Таврический») существует уже более ста лет, но его история известна пока лишь в общих чертах и освещена недостаточно полно [1, 2]. О многих событиях его истории только теперь можно рассказать без вынужденных умолчаний.

Предметом нашего небольшого исследования стала эвакуация херсонесских коллекций в Харьков в 1914 году и последовавшее через целое десятилетие их возвращение. Разумеется, нельзя было рассматривать эти эпизоды отдельно от всего музейного быта той поры, но объем статьи позволил лишь конспективно их воссоздать. Вообще же представляется актуальным написание подробной истории Херсонесского музея. Этого достойны и сам музей, и люди, в разные годы отдававшие ему свои знания, энергию, талант.

С 1888 г. раскопки в Херсонесе проводила Императорская Археологическая комиссия, а непосредственное руководство работами было поручено Карлу Казимировичу Косцюшко-Валюжиничу (1847-1907). Этому подвижнику и энтузиасту принадлежит честь создания музея в Херсонесе. Музей, официально именуемый «Склад местных древностей», располагался до 1925 г. на берегу Карантинной бухты у самого входа в нее, представляя собой ряд неказистых построек, по существу — сараев (рис. 1, 2).

Раскопки велись круглый год и приносили огромное количество находок, лишь самые ценные из которых отправлялись в Петербург. Вскоре составилось обширное собрание древностей, открытое для публичного обозрения.

В декабре 1907 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич умер, простудившись на раскопках. Некоторое время «складом...» заведовал его зять, Вадим Николаевич Рот, штабс-капитан Севастопольского крепостного пехотного батальона, но уже в начале марта 1908 г. в Херсонес прибыл член ИАК, заведующий Керченским музеем Владислав Вячеславович Шкорпил. Ознакомившись с состоянием дел, он выслал в Археологическую комиссию подробнейший рапорт, в котором, в частности, говорилось: «... Раскопки Херсонеса приобрели в последнее время такое громадное значение, что руководство ими нужно непременно поручить знатоку этого дела, либо архитектору, либо опытному византисту...» [3, л. 104].

В мае 1908 г. заведующим раскопками и складом древностей в Херсонесе был назначен Роман (Роберт) Христианович Лепер (1864-1918), оставивший для этого место ученого секретаря Русского Археологического Института в Константинополе. Р. Х. Лепер вполне соответствовал пожеланиям В. В. Шкорпила — семь лет работал под руководством Ф. И. Успенского в передовом тогда учреждении по изучению Византии, основательно занимался древней топографией Афин и Константинополя и, кроме того, обладал выдающимися способностями эпиграфиста.

Деятельность Р. Х. Лопера в Херсонесе требует, конечно, специального рассмотрения. Здесь достаточно будет сказать, что помимо раскопок Роман Христианович

Рис. 1. «Склад местных древностей». Начало XX в.

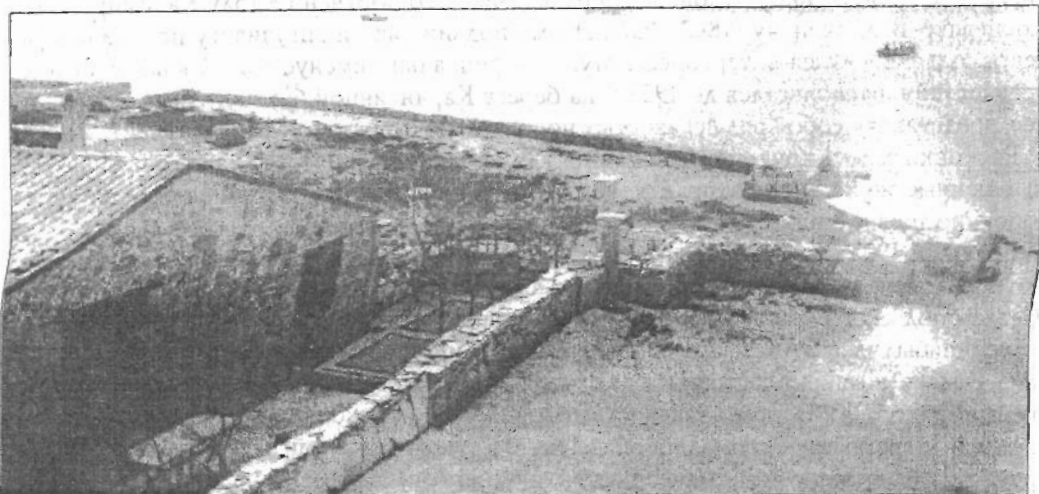

Рис. 2. Вид на Карантинную бухту со стороны «Склада древностей». Начало

много внимания уделял собственно музею. Так, в 1910 г. с херсонесских служащих, в результате его хлопот, стали **взиматься** определенные суммы, чтобы обеспечить их после окончания службы постоянным пособием. В 1911 г. Р. Х. Лепером было начато строительство новых музейных помещений. Стройка продолжалась до самого начала Первой мировой войны. Сохранились фотоснимки, запечатлевшие ее этапы (рис. 4, 5). Пока на территории музея шло мирное строительство, Севастополь готовился к обороне и в июле 1914 г. был объявлен на военном положении.

Рис. 3. Р. Х. Лепер (1864-1918)

А 22 июля 1914 г. Р. Х. Лепер телеграфировал в ИАК: «Прошу разрешить закрыть музей посетителям. Готовлюсь возможной эвакуации, прошу указать куда вывозить случае необходимости. Предлагаю Харьковский университет. Вышлите экстренно через телеграфную контору или Госбанк 1500 рублей для расплаты служащими, призванными запасными и поставщиками. Отчет посылаю». Ответ Товарища Председателя ИАК В. В. Латышева был, по обыкновению, лаконичен: «Первый пункт телеграммы разрешается, вторым повремените. Деньги высылаются» [4, л. 83, 85]. 1 августа специальным распоряжением коменданта крепости раскопки в Херсонесе были прекращены и в музей перестали пускать рабочих и служащих., Лепер принялся хлопотать, побывал у начальника штаба Командующего флотом и просил дать время ликвидировать работы, убрать вагонетки и рельсы и сложить вещи в музей. Ему было разрешено привлечь часть

рабочих на 5 дней, но затем выдано военными властями предписание «немедленно оставить пределы крепости» фотографу П. И. Сысоеву, чертежнику М. И. Скубетову, сыну Лепера Роману и еще некоторым добровольным помощникам. Обо всем этом мы узнаем из обширного рапорта Романа Христиановича в ИАК, высланном в середине августа 1914 г.

Р. Х. Лепер писал: «... таким образом, энергично начатую работу по уборке и упаковке древностей мне пришлось заканчивать одному ... Всё наиболее важное в музее, особенно из числа неизданных древностей, мною уложено в ящики, причем вещи отдельных годов уложены отдельно и составлены списки вещей, уложенных в каждый ящик, также уложены архив, чертежи, негативы. Крупные вещи, особенно стоявшие в открытых сараях и на дворе, как надписи и др. мраморные предметы, большие кувшины, трубы, черепицы сложены в яму во дворе музея и засыпаны. В случае необходимости комендант крепости обещал предоставить место в поезде для вывоза 25 ящиков ...» [4, л. 86].

Вполне вероятно, что условия и сроки выполнения столь тяжелой работы, нелепая разлука с сыном и ближайшими сотрудниками самым драматическим образом отразились на состоянии нервной системы Романа Христиановича. Вскоре, провозжая сына, в сыскной части Севастопольского градоначальства он вступил в досадную перепалку с приставом, делу придали политическую окраску и Р. Х. Леперу пришлось оставить службу в Археологической Комиссии, относящейся к ведомству Министерства Императорского Двора. С 1 октября 1914 г. должность заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе вновь стала вакантной.

Принимать дела приехал все тот же В. В. Шкорпил. Его рукой составлен «Список древностям», в котором перечислены и вещи, упакованные в ящики:

«... № 1. Вещи, найденные в 1911 году.

№ 2. Вещи 1912 г. и 15 стеклянных сосудов 1910 г.

№ 3. Вещи разных годов.

№ 4. Краснофигурные черепки и чернолаковая посуда из раскопок К. К. Косцюшко.

№ 5. Краснолаковая посуда из раскопок К. К. Косцюшко, вынутая из шкафов музея.

№ 6. Терракотовые статуэтки разных годов.

№ 7. Золотые вещи, бусы и некоторые бронзовые предметы.

№ 8. Чернолаковая, краснолаковая, стеклянная и простая посуда 1909 г.

№ 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 20 с разными предметами древности, вынутыми из шкафов музея и наиболее интересными вещами из раскопок последних годов ... (Монеты из витрин (золотые, серебряные, бронзовые, свинцовые), коробок с бронзовыми предметами (9 шт.), переданных из чистки Д. Н. Косцюшко — уложены в ящики...)» [4, л. 101].

Судя по документам, составленным В. В. Шкорпиллом, работа по упаковке древностей не была Р. Х. Лепером закончена, в уже упоминавшемся рапорте его в ИАК есть строка о вывозе вещей, который «надо полагать, не представится».

Еще одним следствием начавшейся войны явилось возвращение из-за границы российских учреждений и граждан. В числе многих возвратился в Петроград Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882-1946), командированный двумя годами ранее Министерством Народного Просвещения в Гейдельберг, для подготовки к профессорскому званию по кафедре теории и истории искусств. Почти сразу по возвращении он получил письмо из ИАК, в котором содержалась просьба поехать в Херсонес, чтобы помочь В. В. Шкорпилу в приеме дел, а также ознакомиться на месте с результатами раскопок 1912 г. и составить «хотя бы краткий научный отчет» [4, л. 137], а затем приняться за составление отчетов и за годы заведования Р. Х. Лепера, т. е. — с 1908 г., поскольку Р. Х. Лепер ни одного отчета в ИАК не представил [1, с. 39].

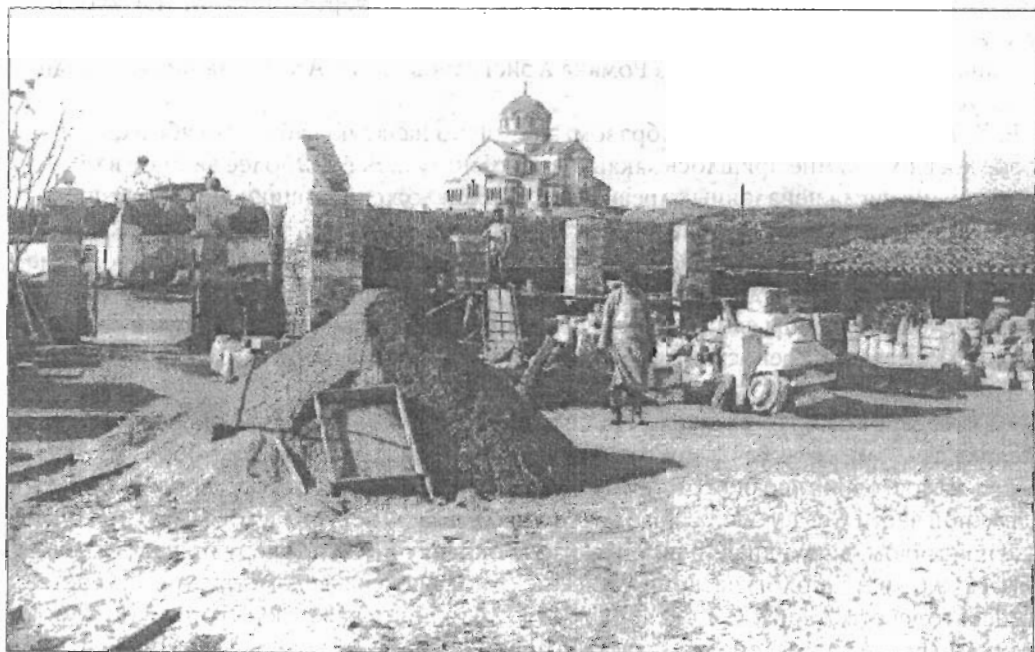

Рис. 4. Строительство новых помещений музея. 1911 г.

В Севастополе Л. А. Моисееву было передано «наблюдение за Херсонесом», т. к. В. В. Шкорпилу необходимо было возвращаться в Керчь.

Последовавшие вскоре события потребовали от Л. А. Моисеева активных и решительных действий. 16 октября 1914 г. германский крейсер «Гебен» обстрелял Ялту и Севастополь. В тот же день в ИАК ушла срочная телеграмма: «Бомбардированы. Осадное положение. Денег на вывозку вещей нет. Моисеев». Ответ председателя ИАК графа А. А. Бобринского также помечен 16 октября: «Примите возможные меры перевозке вещей в Харьков, университет». [4, л. 131, 134]. Подготовка к эвакуации заняла почти месяц, не сразу выяснилось, что по военным обстоятельствам можно перевезти грузы за счет казны.

14 ноября Л. А. Моисеев направляет письмо ректору Харьковского университета: «... Имею честь известить Ваше превосходительство, что согласно указанию г. Председателя Императорской Археологической комиссии в Петрограде я направляю в Харьковский университет 25 ящиков древностей из Херсонесского «Музея» на хранение во время осадного положения г. Севастополя. Полагая, что уже было получено на то согласие, я теперь лишь покорнейше прошу уведомить о сем кого следует из должностных лиц Университета (дежурного вахтера или управляющего зданием Университета) дабы встретить с их стороны содействие к благополучному водворению вещей с вокзала в помещение, для них отводимое. Вещи придут 17-го ноября около 12 ч. дня и в Харьков, я прибываю с ними лично» [4, л. 176].

Еще один документ, свидетельствующий о «благополучном водворении» херсонесских вещей, — это отчет Л. А. Моисеева в ИАК: «... Должен отметить особенно любезное отношение и готовность со стороны администрации Университета сделать все возможное для удобного и безопасного хранения ящиков. Они находятся ныне в помещении книгохранилища Университетской библиотеки под непосредственным наблюдением г. библиотекаря. Г. Ректор выразил готовность, в случае необходимости, поместить там же еще такое же количество ящиков, а для занятий древностями любезно предлагал актовый зал» [4, л. 177]. Об отправке древностей Л. А. Моисеев сообщил также Федору Ивановичу Шмиту, занимавшему с 1912 г. кафедру истории искусств в Харьковском университете, с просьбой взять херсонесские вещи под свое покровительство. Ф. И. Шмит, как выяснилось несколько лет спустя, письма не получил, т. к. находился в это время в Германии на положении военнопленного и возвратился в Харьков лишь в январе 1915 г., будучи обмененным на пленного немецкого генерала [5, с. 52]*.

Сохранился также денежный отчет Л. А. Моисеева о командировке в Харьков, изобилующий тратами на чаевые и извозчиков, в частности, некоему Н. Бондаренко было заплачено «за доставку 25 ящиков с древностями со ст. Харьков в здание библиотеки Харьковского университета» 4 рубля [6, л. 183]. Вообще, следует отметить, что харьковская эвакуация очень подробно документирована.

Разместив херсонесские коллекции на время осадного положения, Л. А. Моисеев, конечно, не предполагал, что музей останется без них на долгие десять лет. Мы увидим, что и в самые трудные годы он старался вернуть «харьковские ящики».

Итак, он выполнил первое серьезное поручение с успехом, и Императорская Археологическая комиссия, «забавившись приисканием кандидата на место», остановила на нем свой выбор. Л. А. Моисеев был назначен заведующим складом древностей и рас-

*Ректором университета в это время был И. В. Петушил (Прим. ред.)

**Автор статьи выражает благодарность Н. Н. Тагильцевой за предоставленную возможность прочесть книгу С. А. Чистотиновой «Федор Иванович Шмит. — М.: Дело. — 1994.

Рис. 5. Вид музейного дворика. 1912 г.

копками в Херсонесе, а позже, в сентябре 1915 года, — членом ИАК. Он был молод, энергичен, полон планов, документы архива свидетельствуют о его неутомимой и разносторонней деятельности по устройству музея. «Назначив меня членом Комиссии, Вам угодно было, граф, доверить мне ... археологическое предприятие едва ли не крупнейшее по бюджету в России», — это строки из доклада Л. А. Моисеева председателю ИАК А. Л. Бобринскому, — «... чувствую необходимость установить какие-то принципы в деле ведения самих работ... Вместе с изучением открытых в последние годы памятников положено начало каталогизации будущего Херсонесского музея (хочу верить, что он будет, его не **может** не быть). Начато с эпиграфики, для чего понадобилось выписать из Харькова один из отправленных туда на хранение ящиков, заключающий в себе архив херсонесских раскопок с 1888 г. ...» [7, л. 35]. Этот пассаж доклада непосредственно относится к теме нашего исследования. Из письма Л. А. Моисеева ректору Харьковского университета следует, что это был ящик с 14, «сделанным черной краской». [7, л. 101]. Таким образом, в Харькове остались 24 ящика, принадлежащих музею.

Вскоре произошли события, ненадолго отодвинувшие на второй план и каталогизацию будущего музея, и прочие херсонесские дела. В течение всего 1915 года военные власти занимали одно музейное помещение за другим, пока Л. А. Моисеев не был вынужден перевезти архив и канцелярию в Севастополь. В следующем году речь шла уже о выселении администрации музея, но вмешался граф Бобринский, сделав особый акцент на внимании к Херсонесу Государя Императора, и служащих ИАК оставили в покое, но не покоя хотел новый заведующий, он жаждал деятельности, а в Херсонесе запрещены были даже обмеры стен. На его долю достался «археологический надзор». Надзирать, вероятно, надлежало за действиями крепостной артиллерии.

Все изменилось в октябре 1916 г., когда Л. А. Моисеев получил письмо от Н. И. Веселовского: «Лаврентий Алексеевич ... Вы хотели вести раскопки в Евпатории, но дело затянулось из-за денег, теперь деньги есть, так как у меня оказывается остаток. Я могу теперь же перевести Вам 1000 рублей... Отчитываться Вы будете передо мной» [7,

л. 173]. Так началась раскопки в Евпатории. Ухудшение жизни, перебои с деньгами, война, все больше отрезавшая Крым от Петрограда, все затмевалось для Л. А. Моисеева его открытиями в Керкинитиде. Этот период отмечен в архиве музея множеством интересных документов. В ноябре 1917 г. Л. А. Моисеев снова пишет Ф. И. Шмиту, беспокоясь о судьбе древностей, и на этот раз получает ответ: «Милостивый Государь Лаврентий Алексеевич, на письмо Ваше от 1.ХІ.1917 за 728 спешу отозваться следующей справкою. В У-тской библиотеке хранятся в целости 23 деревянных ящика, из них 2 зашитых в рогожи. Первоначально ящиков было больше, но год (приблизительно) тому назад в Библиотеку явился, вместе с экзекутором У-та, некто и увез 3-4 ящика. Т. к. экзекутор сейчас находится в армии, узнать, кто и почему увез ящики, я не смог. Лично я только теперь из Вашего письма узнал о том, что ящики хранятся у нас, и потому никаких мер к их охране и учету не принимал. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Проф. Федор Шмит» [8, л. 186]. Сведения Ф. И. Шмита не были точны — один ящик, как мы знаем, был «выписан» самим Л. А. Моисеевым в августе 1915 г., а в 1924 г. из Харькова были возвращены 24 ящика. Но все это выяснилось очень не скоро, а пока Л. А. Моисееву оставалось гадать, куда же пропал еще один ящик.

В начале 1918 года Лаврентий Алексеевич получает несколько непонятных известий из Петрограда: о том, что денежные переводы в Крым не принимаются и о том, что ИАК «ввиду переживаемого момента» прекращает раскопки в Евпатории. От друга и учителя Б. В. Фармаковского весточка была непривычно пессимистической: «... Вам приходится действовать и устраиваться самостоятельно. Если Вам удастся поддержать археологическое дело в Херсонесе и Евпатории, за Вами будет большая заслуга. В Крыму возможно самостоятельное археологическое дело. Но о реформе теперь думать не время ... Настоятельная задача сохранить что есть. Будущность Комиссии не известна. Вести раскопки ближайшим летом, конечно, будет нельзя ... И мы еще далеко не достигли «дна». Жалкое время! Лично я мечтаю покинуть нашу страну» [9, л. 13, 14]. Мечтал ли Л. А. Моисеев покинуть страну, где так счастливо начиналась его судьба археолога?

К сожалению, рамки статьи не позволяют подробно осветить деятельность Л. А. Моисеева, но документы ясно свидетельствуют, что делом жизни для него стало спасение музея и маленького штата служащих, а при малейшей возможности — постановка «самостоятельного археологического дела в Крыму». Надо напомнить, что Херсонес находился тогда за городской чертой, как писали в путеводителях, — в трех верстах от Севастополя. Сохранение жизни и имущества в условиях анархии и разрухи стало насущной проблемой.

Во время немецкой оккупации Л. А. Моисеев и заведующий Севастопольской биостанцией П. А. Гальцов обратились к германскому командованию с просьбой передать моторный катер и старый пароход с целью добывания красной водоросли «для извлечения из нея йода» и организации «правильных рыбных ловов». Это, действительно, позволило некоторое время существовать двум научным учреждениям.

Конец 1918 г. ознаменовался победой союзников, занятием ими портов юга России и Крыма. Для Л. А. Моисеева это означало новую волну ходатайств: о том, чтобы служащим выдали новые удостоверения, новые дензнаки, пропускали в город за продуктами и дровами и т. п. Трудно представить, изучая эту переписку, что было бы с музеем, если бы не Лаврентий Алексеевич с его свободным владением европейскими языками и умением находить подход к властям, сменявшим друг друга, как в калейдоскопе.

Следующий этап жизни музея связан с пребыванием в Крыму Вооруженных Сил Юга России. Летом 1919 г. по поручению графа Бобринского, уезжавшего через Крым за границу, Л. А. Моисеев принял на себя обязанности Председателя Археологиче-

ской Комиссии, хотя в Петрограде уже действовала Российская Государственная Академия Истории Материальной культуры. Однако на территории, занимаемой Добровольческой Армией, интересы отечественной археологии представлял только Л. А. Моисеев, т. к. В. Б. Шкорпил был убит в декабре 1918 г. Л. А. Моисеев отправился в Ростов-на-Дону, где его полномочия подтвердило Особое Совецание при Командовании ВСЮР. Археологическая Комиссия была передана в ведение Управления народного просвещения. Выполняя свои обязанности, Л. А. Моисеев собирал разбросанное в разных уездах Таврической и Херсонской губерний имущество Комиссии (на местах раскопок остались вагонетки, рельсы, лопаты и пр.).

В конце июля 1919 г. Л. А. Моисеев получил письмо из Харькова, от Константина Эдуардовича Гриневича (1891 – 1970). Обращаясь к коллеге, он писал: «... В Харькове мне, занимающемуся классическими древностями нашего юга, нечего делать: ни древностей, ни библиотеки! И вот я решил, и решил серьезно, переехать к Вам, на юг ... Обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич, как к соратнику, с покорнейшей просьбой о содействии. Прежде всего, мне хотелось бы быть полезным Археологической Комиссии — может быть, можно устроиться при ней — в Севастополе или в Керчи? Лучше в Севастополе ...»

Л. А. Моисеев принялся усердно хлопотать, чтобы на место В. В. Шкорпила был назначен К. Э. Гриневич, но встретил сильное противодействие со стороны керченского градоначальника, очевидно, имевшего своего протезе.

Все же назначение состоялось, и в следующем, благодарственном, письме К. Э. Гриневича читаем: «... С величайшей готовностью займусь реэвакуацией херсонесских древностей. Они до последнего времени были целы и невредимы. Но, конечно, я еще раз надеюсь к ним» [10, л. 86, 101]. Снова, уже в сентябре, он пишет подробнее: «В дополнение к посланному 25 августа заказному письму сообщаю, что вчера произвел еще раз специальный осмотр всех ящиков, принадлежащих Государственной Археологической Комиссии, все они найдены в безусловной сохранности, находятся в старом корпусе университетской библиотеки, где хранятся только дублетные экземпляры книг, т. е. куда сравнительно редко ходят. Словом, все обстоит благополучно. Вы мне при-

Рис. 6. Л. А. Моисеев (1882 — 1946)

шлите мандаты на перевозку, на хлопоты об отдельном вагоне и средства для доставки. С этим же вагоном и я бы приехал к Вам, чтобы получить от Вас инструкции и некоторые руководящие указания, выехать морем в Керчь» [10, л. 102].

К сожалению, дальнейшие послания Константина Эдуардовича оставались без ответа: с 10 сентября по 5 ноября Л. А. Моисеев совершал служебную поездку по черноморскому побережью Кавказа в связи с изысканиями по проведению железнодорожной ветки Новороссийск — Туапсе. Поручив известить К. Э. Гриневича о состоявшемся назначении своему заместителю, он срочно уехал.

12 сентября К. Э. Гриневич сетует: «... Не получил от Вас ни одного письма, но мне кажется, был бы уместен мой приезд в Севастополь ... Но как с древностями, хранящимися в Харькове? Отпишите. Я нарочно хочу выехать не ранее 23-25 сентября, чтобы Вы успели мне ответить, как быть с древностями. Если надо еще обождать — телеграфируйте...». Так как ответа снова не было, телеграфировать пришлось К. Э. Гриневичу: «Как керченское назначение. Когда перевозить древности, когда выезжать. Отвечайте немедленно» [10, л. 107, 120]. Какого ответа, наконец, дождался Константин Эдуардович, неизвестно, но в Крым он приехал без «харьковских ящиков», момент был упущен.

Возвращение древностей состоялось уже в иную эпоху. Херсонесским служащим и их директору пришлось пережить самые страшные 1920 и 1921 гг., голод, холод, разруху и при этом сохранить музей.

С установлением советской власти в Крыму учреждения культуры были включены в уже сложившуюся к тому времени систему музейного дела и охраны памятников. В ноябре 1920 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев был назначен по совместительству заведующим Севастопольским отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Севмузохрис). Усадьба Херсонесского монастыря, упраздненной новой властью, была отведена вначале под концлагерь, а затем поделена между домом Собеса и 7-м стрелковым полком.

С 1921 г. Л. А. Моисеев начинает упорную борьбу за передачу усадьбы и зданий монастыря Херсонесскому музею. Им было составлено 15 обращений и ходатайств в различные инстанции. К началу 1924 г. удалось добиться юридической передачи усадьбы и зданий монастыря целиком в ведение Херсонесской дирекции музея и раскопок. Кроме того, была заказана проектная документация на ограждение территории Херсонеса и ремонт зданий, были добыты средства на эти работы.

Вероятно, тогда Лаврентию Алексеевичу казалось, что все плохое осталось в прошлом, но его ждали впереди те самые «сума и тюрьма», от которых народная мудрость не велит зарекаться. Трудно было ему вписаться в иерархическую систему управления культурой и перестать решать проблемы напрямую с центральными учреждениями. В январе 1924 г. он, впервые за шесть «окаянных» лет смог поехать в Москву и в Ленинград, возобновить старые и завязать новые знакомства, решить вопрос о реэвакуации музейных коллекций. 10 апреля 1924 г. в Москве состоялось заседание Президиума отдела по делам музеев Главнауки, постановлением которого была утверждена смета на реэвакуацию коллекций в сумме 350 рублей и перевозка поручена Л. А. Моисееву [11, л. 51].

Еще в декабре 1923 г. сотрудник Севастопольского музохриса В. Р. Никитина побывала в Харькове с целью осмотреть ящики с древностями и провести переговоры о порядке возвращения в Херсонесский музей [12, л. 90].

Трудность заключалась в том, что в самом музее места для возвращения вещей не было. Почти все помещения были полуразрушены, а экспозиции содержали, в основном, архитектурные и эпиграфические памятники (рис. 7). Усадьба монастыря была передана музею пока только юридически, а фактически была заселена престарелыми

инвалидами и семьями офицеров стрелкового полка. В описываемый период Л. А. Моисеев уже находился в опале у своего крымского и севастопольского начальства, с февраля 1924 г. он был освобожден от должности заведующего Севмузохрисом. Да и место директора Херсонесского музея оставалось ему занимать не долго. Резвакуация «харьковских ящиков» стала его последней службой музею. Как явствует из следующего документа, передача коллекций состоялась в Харькове 8 мая 1924 г., о чем был составлен акт: «... мы, нижеподписавшиеся: директор Харьковской научной библиотеки А. Н. Ольховская, представитель Научного комитета Е. А. Никольская, библиотекарь И. Т. Брейтингам, директор Херсонесского музея и раскопок Л. А. Моисеев, первые три на основании предписания Научного комитета Наркомпроса СССР от 6 мая за № 8552, второй на основании мандата Главнауки Наркомпроса РСФСР от 23.IV.24 г. № 4575/н составили настоящий акт о передаче вышеназванных экспонатов по принадлежности Херсонесскому музею, причем при передаче ящиков и осмотре их оказалось:

1) только два ящика зашитых в рогожи (один плоский обвязан хорошо веревкой, другой обвязан веревкой, вторичной обвязкой, с длинным лишним концом и свободно висящей на нем сургучной печатью заведующего херсонесскими раскопками), оба указанных ящика без на рогожах.

2) все остальные ящики (за исключением двух) имеют порядковые номера, нанесенные черной краской, а именно 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23 и 24. Из них №№ 1, 4, 6, 8, 12, 15, 17, 19, 22, 24 и два без оказались без обвязок.

Всего ящиков налицо оказалось двадцать четыре.

Осмотрен находившийся без обвязки и плохо скрепленный ящик № 19, в котором оказались лампочки, вскрыт и осмотрен ящик без № (с монетами), причем в отделениях 4 и 5 ящика (пометка синим карандашом), ничего, кроме пакли, не оказалось.

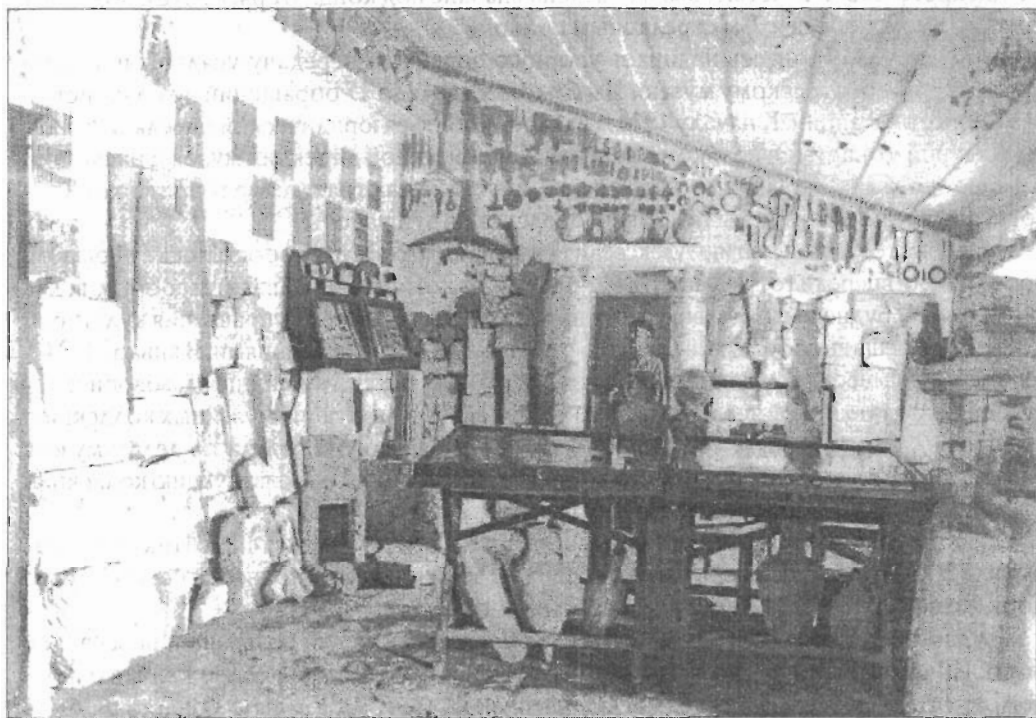

Рис. 7. Античная экспозиция музея 1924 г.

Все ящики при сдаче их обвязаны бечевкой и опечатаны сургучной печатью ЦНО» [11, л. 59].

Так завершился один из труднейших периодов в истории Херсонесского музея. Для Л. А. Моисеева трудности только начинались. Непосредственный его начальник — вновь назначенный заведующий Севмузохрисом И. П. Бирзгал потребовал срочно перевезти вещи для экспонирования в помещения бывшего Херсонесского монастыря. Л. А. Моисеев доказывал, что сначала необходимо провести кропотливую научную работу. Вероятно, И. П. Бирзгалу такая позиция Моисеева напоминала саботаж. Конфликт был разрешен в духе времени: 15 июля 1924 г. И. П. Бирзгал заявил в органы ГПУ о финансовых злоупотреблениях Л. А. Моисеева и краже им предметов из «харьковских ящиков». Лаврентий Алексеевич был немедленно арестован и пробыл в заключении 5 месяцев, как позже выяснилось, абсолютно безвинно [11].

Пока длилось следствие, музей оставался без директора.

Старый херсонесский рабочий Николай Зиновьевич Федоров передал в тюрьму записку, нескладную, но очень искреннюю: «Лаврентий Алексеевич, ... все слухащие тоскуют за Вами, нет, говорят, у нас нашего защитника, что бывало всецело стоял за нас. Но больше всех я, Н. З. Федоров, жму Вашу простую руку...» [11, л. 71]. После оправдания и освобождения Л. А. Моисеев два года не мог устроиться на работу, терпел жестокую нужду. В Херсонес он уже не вернулся.

На смену Л. А. Моисееву пришел Константин Эдуардович Гриневич — человек очень энергичный, умеющий разговаривать с партийными назначенцами и добиваться результатов. Ему удалось в короткий срок организовать «новый музей» в Херсонесе, развернуть экспозиции в зданиях бывшего монастыря, где они располагаются и сегодня. В этих экспозициях достойное место заняли и вещи, возвращенные из Харькова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927).— Севастополь, 1927
2. Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // ХСб.— Вып. V.— Симферополь, 1959.
3. НА НЗХТ.— Д. 137.
4. НА НЗХТ.— Д. 143.
5. Чистотинова С. Л. Федор Иванович Шмит.— М.: Дело.—1994.
6. НА НЗХТ.— Д. 144.
7. НА НЗХТ.— Д. 145.
8. НА НЗХТ.— Д. 146.
9. НА НЗХТ.— Д. 147.
10. НА НЗХТ.— Д. 148.
11. НА НЗХТ.— Д. 1572.
12. НА НЗХТ.— Д. 149.

История археологии